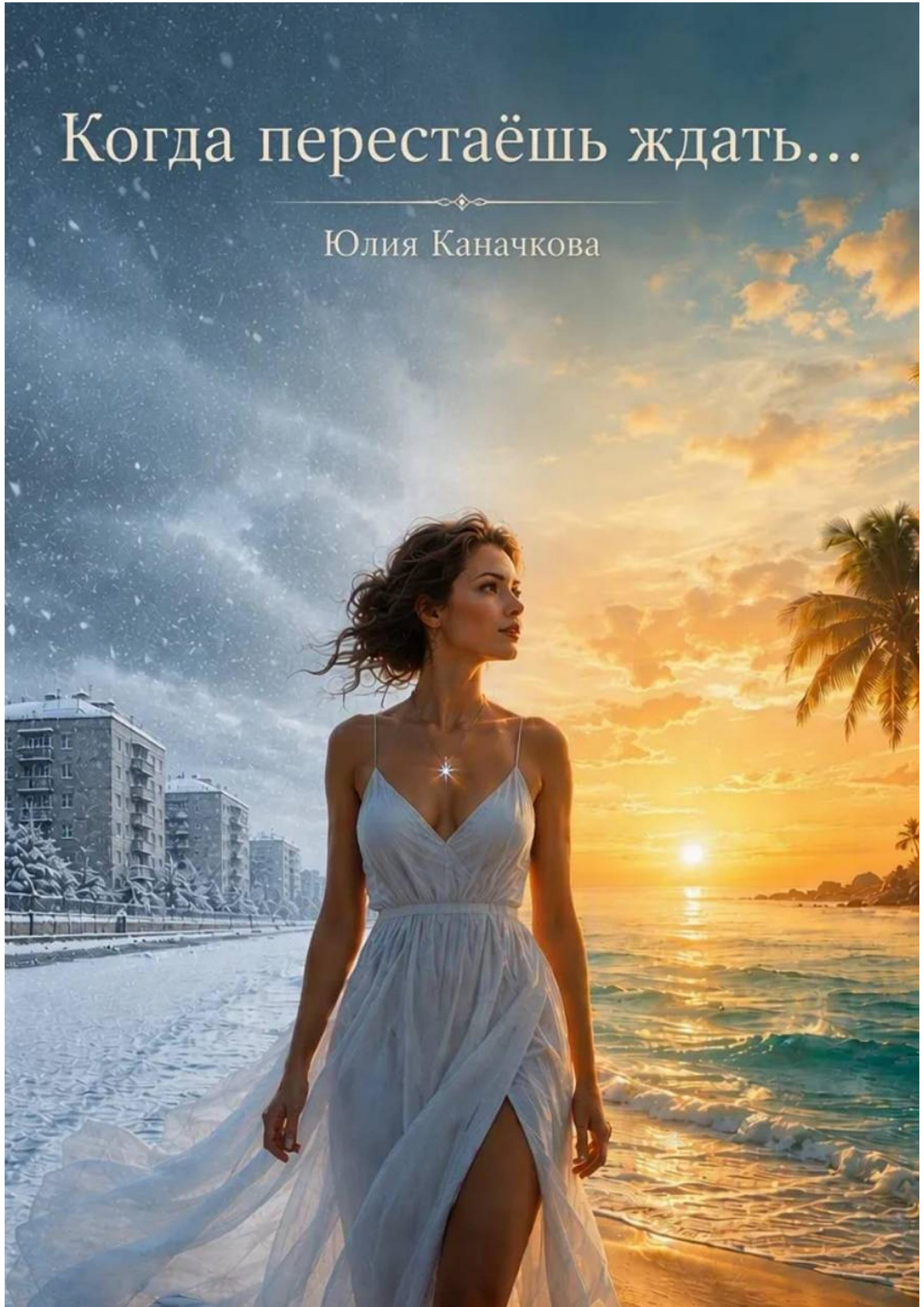

Когда перестаёшь ждать...

Юлия Каначкова

Юлия Каначкова

Когда перестаешь ждать...

«Автор»

2026

Каначкова Ю. В.

Когда перестаёшь ждать... / Ю. В. Каначкова — «Автор», 2026

Когда перестаёшь ждать - жизнь начинает дарить то, о чём ты даже не смела мечтать. Алина давно живёт в режиме ожидания: ждёт звонка, приезда, внимания, тепла. Её мужчина приходит, когда ему удобно, и уходит, как только появляется что-то интереснее, а она остаётся - с работой, детскими праздниками и остывшим кофе. В канун Нового года очередное обещание нарушено, и Алина решает поставить точку. И именно в этот момент происходит неожиданное: случайное знакомство, подаренная звезда, билеты в Аргентину и путешествие, которое изменит всё. Но сможет ли Алина отпустить прошлое и принять настоящее? Что произойдёт, когда тёплая аргентинская сказка закончится и придётся возвращаться в зимнюю Москву? Роман о том, как, перестав ждать, можно обрести самое главное - себя. И любовь, которая не требует жертв.

© Каначкова Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Юлия Каначкова

Когда перестаешь ждать...

Глава 1

25 декабря. Москва

Вдохнув поглубже, я сделала глоток остывшего кофе и с силой нажала кнопку блокировки экрана, чтобы не видеть больше это дурацкое сообщение. «Новый год мы будем отмечать у сестры, я решил так». Конечно. А как же наш вечер вдвоём, о котором мы говорили ещё неделю назад? Когда он смотрел мне в глаза и обещал, что теперь всё будет иначе. Как же я тогда поверила.

Впрочем, чему я удивляюсь. Последние месяца три всё шло по одному сценарию: он звонил, когда ему было удобно, приезжал, когда ему было удобно, уезжал к сестре или с друзьями в очередной поход, на горнолыжку, на море - а я оставалась. Потому что у меня в школе дополнительного образования всегда дела, занятия, мероприятия, утренники, отчётность, потому что на мне три группы и две тысячи мелочей, которые нельзя бросить. И каждый раз, когда я говорила «не могу», он вздыхал и говорил: «Ну конечно, у тебя же работа важнее». И я верила. Верила, что это я плохая, что это я недостаточно стараюсь, что если бы я могла всё успевать - он бы не уезжал без меня, звонил бы чаще или хотя бы писал. Я готовила сложные ужины, когда он возвращался. Я пыталась быть идеальной. Я ждала. Так долго ждала, что разучилась жить без этого ожидания.

- Алин, привет! Фух, думала не успею! - в холл, отряхивая снег с шапки, влетела Настя, наш педагог для малышей. В руках у неё был огромный пакет с мишурой и несколько коробок, перевязанных бечёвкой. - Там такое! Я купила маленькие лампочки на батарейках, они будут отлично смотреться в бороде Гринча. А ты чего такая кислая? Ты как?

- Нормально, - выдавила я улыбку и потянулась к пакету. - Давай помогу. Сегодня у нас генеральная репетиция первого блока в четырнадцать тридцать, после того как малышня забегут. Ты за Деда Мороза?

- Обижаешь, - Настя подмигнула. - Я уже бороду на резинке примерила. Кстати, наверное, говорила уже, но твой сценарий - огонь. Родители в шоке будут. Я сама в предвкушении уже! Радуюсь как ребенок!

Я только кивнула, чувствуя, как внутри всё ещё пульсирует тупая боль после вчерашнего. Настя, видимо, заметила мои глаза - красные, опухшие, несмотря на то, что я замазала их тоналкой, - но ничего не сказала. Только крепче сжала мою руку.

- Справимся, командир, - тихо произнесла она. - А после всех ёлок - напьемся. И на этот раз я серьёзно!

День начался с привычного хаоса, который сегодня казался особенно липким, как карамель, которую мы готовили для конкурсов. Я включала музыку в залах, проверяла микрофоны, раскладывала новогодние колпаки по ячейкам, отвечала на постоянные звонки родителей, которые уточняли, во сколько начинается ёлка и можно ли привести младшего брата без записи.

Между делом я украдкой смотрела в телефон. Ничего. Он не написал больше ни слова. Не спросил, как я, дошла ли, все ли в порядке. Даже не спросил моего согласия, просто поставил перед фактом, словно наша жизнь - это расписание, которое он меняет по своему усмотрению.

В обед, когда наш садик разошёлся по домам и в школе наступила та редкая тишина, в которую обычно уместается лишь звон посуды из кухни и моё дыхание, ко мне подседа Светлана Павловна, наш методист, женщина с вечно растрёпанными волосами и добрыми глазами.

- Алиночка, я посмотрела твой сценарий для второй группы. Там, где Гринч крадёт не подарки, а «новогоднее настроение». Это гениально! О! Ты же сама его рисовала? - она кивнула на мой планшет, переводя разговор со сценария на рисунок, где был набросок зелёного лохматого злодея с трогательными глазами.

- Да, вчера ночью, - призналась я. - Мне не спалось и я решила подготовить плакат. Светлана Павловна понимающе покивала.

- Ты знаешь, дорогая, иногда наши самые сильные идеи рождаются именно из бессонницы. Гринч, между прочим, тоже был одинок, пока не понял, что счастье - это не то, что под ёлкой, а то, что в сердце. Ты свой сценарий перечитай, он про тебя.

Я сглотнула комок в горле. Она не знала про вчерашнюю ссору, но каким-то чутьём всегда попадала в точку.

В половине третьего школа ожила. Педагоги - они же актёры - собирались в методическом кабинете, чтобы надеть костюмы. Я раздавала реквизит, проверяла, не сели ли батарейки в светящихся носках оленей, и заодно разруливала конфликт: выяснилось, что наша «Снегурочка» (она же педагог по английскому) не принесла парик, потому что «у неё кошка на него позавчера сходила в туалет».

- Я сейчас, - сказала я и через пять минут уже рылась в запасниках, нашла старый, но вполне приличный парик платинового цвета. - Держи. Кошку морально поддержим, а дети ждать не будут.

Репетиция первого блока, для малышей до шести лет, была милым бедламом. Педагоги в костюмах изображали, как Гринч пытается украсть «мешок смеха», я уже представляла, как малыши вместо того чтобы водить хоровод, будут пытаться стащить с Гринча колпак и пощупать его зелёные уши.

Я стояла за кулисами, подсказывала слова, когда кто-то из актёров забывал текст, и чувствовала, как напряжение в плечах понемногу отпускает. Здесь, в этом мире искусственного снега и детского визга, всё было честно. Ты стараешься - и получаешь смех в ответ. Без условий.

После репетиции я осталась в зале одна, чтобы еще раз проверить свет и звук. Включила музыку - «В лесу родилась ёлочка» в современной обработке. Взяла в руки микрофон и на секунду представила, что завтра здесь будет полный зал родителей с телефонами, дети в костюмах зайчиков и снежинок. И ради этого всего я почти жила на работе последний месяц - писала сценарий, шила уши для Гринча, искала в интернете, где дешевле купить сто пятьдесят маленьких шоколадок в подарок. Всё это параллельно с разгребанием проблем с начальством, вечно недовольным непонятно чем и почему: прибыль есть, дети счастливы, родители тоже. Иногда казалось, что наша начальница просто ревнует меня к родителям или к педагогам - у меня со всеми хорошие отношения, и, возможно, её это бесило.

И тут пришло новое сообщение.

«Аль, ну ты чего? Не начинай. Сестра обидится. Мы же семья».

Я замерла с микрофоном в руке. Семья. Это слово он произнёс так легко, будто я должна была растаять. Но за три года наша семья - это была я и он. А теперь я чувствовала себя вещью, которую он достаёт с полки, когда удобно, и ставит обратно, когда появляется что-то поинтереснее.

Пальцы сами застучали по экрану: «Мы договаривались. Я ждала этот Новый год, чтобы побыть с тобой. Вдвоём».

Отправила. Сбросила звонок от мамы - перезвоню позже - и пошла в следующий зал, где уже собиралась вторая группа актёров, на репетицию для детей до десяти лет.

Там всё было сложнее. В этом сценарии Гринч не просто крал смех, он превращался в антагониста с историей, которого в конце спасала дружба. Мой коллега Олег, который играл главную роль, спорил со мной:

- Слушай, Алина, ну какой Гринч будет петь душевную песню под гитару? Это же не мюзикл.

- Будет, - твёрдо сказала я. - Потому что дети этого возраста уже понимают, что злыми не рождаются. Им будет интересно, почему он такой. Я не хочу, чтобы они просто боялись зелёного чудища.

- Ладно, босс, - Олег поднял руки и взял гитару. - Твой сценарий - твои песни.

Он заиграл, и я на минуту закрыла глаза. Слова, которые я написала в три часа ночи, когда плакала в подушку, обрели голос:

«Я когда-то верил в чудо,

Но его украли люди.

Вместо смеха - снег за окнами,

Вместо счастья - тишина...»

Я резко открыла глаза, чувствуя, как щиплет нос. Вот так. Даже Гринч в моём сценарии оказался не монстром, а просто человеком, который устал ждать и верить. И теперь он должен был найти свой путь обратно.

В четыре часа, когда в школе начались обычные занятия (рисование, робототехника, подготовка к школе), я села за администраторскую стойку и разрыдалась. Тихо, уткнувшись в стопку бланков заявлений. Нервы сдали.

- Эй, - Настя возникла рядом как ангел-хранитель, придвинула мне стакан воды. - Что опять?

Я протянула ей телефон.

- Дима пишет, что я эгоистка. Что он устал, хочет быть с семьёй, а я устраиваю драму. Требуется, чтобы я тридцать первого ехала к его сестре. С ночёвкой. А там у них традиция - до шести утра сидеть за столом и пить. Я не хочу. Я хочу дома. В тишине.

- А он вообще хочет быть с тобой? - тихо спросила Настя.

Я подняла на неё заплаканные глаза.

- Он говорит, что любит.

- Словами, Алин. А дела? - она взяла меня за руку. - Ты сейчас сидишь красная после ночи слёз, у тебя три ёлки на носу, ты одна тащишь этот цирк, потому что ты - душа этого места. Ко всему этому разбираешься с Димой. А он? Он где был сегодня? Привёз тебе обед или хотя бы кофе? Помог развесить гирлянды? Да ладно помог, он хотя бы поинтересовался как твои дела? Нет, он только переписывает твои планы.

Я молчала, потому что знала: она права.

В шесть вечера последний ученик убежал, схватив свой самодельный светофор из картона. Педагоги начали расходиться. Школа опустела, но мне ещё предстояло разложить реквизит после репетиций, поправить афиши и перепроверить список подарков. Я двигалась медленно, словно в воде.

Телефон молчал. Я не отвечала на его последнее сообщение, где он писал: «Ну и как хочешь. Оставайся одна. Я буду у сестры».

Мне хотелось запустить телефон в стену. Вместо этого я взяла ножницы и начала вырезать снежинки для украшения музыкального зала. Это успокаивало. Раз-два-три - и из белой бумаги рождался узор. Красивый, правильный. В отличие от моей личной жизни.

В восемь вечера, когда я уже собиралась домой, в школу позвонила охрана и сказала, что на улице меня ждёт... никто. Я вышла, запахивая пуховик потуже. На крыльце, под фонарём, стоял запыхавшийся курьер с огромным букетом белых хризантем.

- Алина? - спросил он.

- Да.

- Вам заказ.

Я взяла букет, в котором торчала маленькая открытка. Развернула. Почерк был не его. Но знакомый, округлый, женский.

«Алиночка, держись. Ты самая талантливая, сильная и добрая. Не позволяй никому гасить твой свет. Мы тебя очень любим. Твоя команда педагогов».

Я прижала хризантемы к лицу и снова заплакала, но уже совсем по-другому.

Домой я вернулась поздно. Квартира встретила меня тишиной и темнотой. Его вещей не было - он забрал их вчера, когда поехал к сестре, да и их было тут очень мало. Я налила чай с мятой, села на диван, обняв подушку.

В голове крутился вчерашний разговор, его упрёки, то как он уехал, потом это смс. И сегодняшнее - «оставайся одна». Может быть, это проверка? Может, он ждёт, что я побегу за ним, уступлю, прогнусь? Раньше я так и делала. Потому что любила. Потому что думала: он вернётся, всё будет как раньше, когда мы много говорили, смотрели фильмы в обнимку и строили планы.

Но что-то во мне сегодня сломалось. Или, наоборот, выпрямилось.

Я взяла телефон и, не заходя в диалог с ним, открыла календарь. Двадцать пятое декабря. Через день - три ёлки. Через шесть - Новый год. Я посмотрела на букет хризантем, который поставила в вазу на кухне. Белые, свежие, пахнущие морозом и надеждой.

И написала ему: «Я не поеду к твоей сестре. Я буду встречать Новый год дома. Если хочешь быть со мной - ты знаешь, где я. Если нет... значит, так тому и быть».

Отправила и выключила звук. Завтра предстоял самый сложный день перед ёлками, и я должна быть в форме. А слёзы... слёзы подождут. Или нет. Посмотрим.

Я допила чай, выключила свет на кухне и пошла в душ, чувствуя, как внутри что-то сдвинулось. Не знаю, в правильную ли сторону, но сдвинулось. И от этого стало чуть легче дышать.

За окном падал снег, и в его белой тишине моя маленькая ёлка, которую я сама нарядила в прошлое воскресенье, мигала разноцветными огоньками. Я смотрела на них и думала: может быть, в этом году я встречу праздник не так, как планировала. Но это будет мой праздник. И мой выбор.

Глава 2

26 декабря

Утро следующего дня началось с того, что будильник зазвонил в каком-то параллельном измерении. Я нащупала телефон, выключила и несколько минут лежала, глядя в потолок. Голова была тяжёлой, но внутри - странная пустота вместо привычной утренней тревоги. Вчерашнее решение, отправленное Диме в сообщении, повисло в воздухе, и я не знала, то ли ждать ответа, то ли радоваться его отсутствию.

Телефон молчал. Ни «доброе утро», ни вопросительного знака. Ничего.

- Ну и ладно, - сказала я вслух пустой квартире и встала.

День обещал быть бешеным. Сегодня последний рывок перед ёлками: нужно было доделать украшения, проверить звук во всех залах, перепроверить подарки, убедиться, что у каждого педагога есть запасной вариант костюма на случай, если кто-то заболеет. И это только то, что я помнила навскидку.

Я быстро собралась, налила кофе в термокружку и вылетела из дома, на ходу завязывая волосы в хвост.

В школе меня уже ждала гора дел. Родители с утра привозили малышей на последние в этом году занятия, и я встречала их с улыбкой, за которую сама себя мысленно благодарила. Настя, проходя мимо стойки, шепнула:

- Держись. Сегодня мы всё доделаем, а завтра - только праздник.

- Только праздник, - повторила я как заклинание.

В короткий перерыв между садиком и началом занятий я наконец нашла время позвонить маме. Она ответила после первого гудка, будто ждала.

- Алиночка, - голос у неё был тёплый, как чай с мёдом. - Я вчера звонила, ты не взяла трубку. Всё нормально?

- Мам, - я выдохнула и присела на подоконник в пустом коридоре, - нет. Не нормально.

И я рассказала всё. Про ссору, про его слова, про упрёки, что я не успеваю готовить, потому что работаю, ведь его мама всё успевала, про то, как он уехал к сестре, про сообщение, про его «оставайся одна». Рассказывала и чувствовала, как ком в горле становится меньше. Мама слушала молча, только иногда вздыхала, и эти её тихие вздохи были красноречивее любых слов.

Когда я закончила, она помолчала несколько секунд, а потом сказала:

- Тяжело слушать, дочка. Не потому, что ты жалуешься, а потому что я вижу, как тебе больно.

- Мам, что мне делать? - спросила я, чувствуя себя маленькой девочкой, которая потерялась в магазине.

- Понимаешь, - её голос стал мягче, - в отношениях иногда нужно уступать. Это нормально. Но когда уступаешь всегда только ты, а другой только принимает - это уже не отношения, это одностороннее движение. Ты три года с ним, ты пыталась, ты ждала. А он? Он за последний год даже сутки с тобой не пробыл. Алин, милая, подумай: ты хочешь быть с человеком, для которого ты - вариант, а не выбор?

Я закрыла глаза. Мама никогда не давила, не говорила «брось его» или «терпи». Она просто задавала правильные вопросы.

- Он говорит, что любит, - прошептала я.

- Слова - это воздух, - ответила мама. - Смотри на поступки. И, дочка... - она чуть помедлила, - если хочешь, приезжай к нам в деревню на Новый год. Тишина, снег, печка. Я пирогов напеку. Отдохнёшь, придёшь в себя.

Я представила: деревенский дом, белый снег за окном, мамины пироги, запах хвои, тишина, в которой слышно только потрескивание дров. И Дима, который останется в городе с сестрой и их традициями до шести утра. Сердце кольнуло, но как-то глухо.

- Спасибо, мам, - сказала я. - Я подумаю. Но, наверное, останусь в городе. Мне нужно... самой разобраться.

- Как знаешь, родная. Я всегда рядом.

Мы попрощались, и я ещё несколько минут сидела на подоконнике, глядя в окно. На улице кружил снег, медленный, ленивый, будто тоже не знал, куда ему приземлиться.

Телефон по-прежнему молчал. Ни одного сообщения от Димы. Мы уже месяц или два общались только по переписке, и с каждым днём его сообщения становились короче, суше, словно он экономил на мне буквы. Разве это нормально? Разве так бывает, когда любишь?

Я тряхнула головой и пошла в зал. Мысли о Диме я вежливо, но твёрдо попросила подождать до вечера.

Дальше всё закрутилось так, что я забыла даже про обед. Сначала я помогала педагогам раскладывать реквизит для завтрашних ёлок, потом меня вызвала Ольга Викторовна, наша начальница, чтобы «уточнить детали». На деле же она полчаса перечисляла, что я сделала не так, хотя, по её словам, «в целом, всё на уровне». Я кивала, сжимая в кармане пальцы в кулак, и думала о том, что на её месте я бы хоть раз сказала «спасибо» людям, которые пашут круглые сутки. Но Ольга Викторовна умела отчитывать, при чем делала это с большим удовольствием.

- Завтра я буду с вами с утра, - объявила она под конец. - Нужно всё проконтролировать.

- Хорошо, - выдавила я улыбку. - Мы всё подготовили.

- Посмотрим, - она многозначительно поджала губы, и я вышла из кабинета, чувствуя, как напряжение снова возвращается.

Но времени расстраиваться не было. Я схватила стакан кофе, сделала глоток и побежала в музыкальный зал, где уже собрались педагоги, репетируя ёлку малышей.

27 декабря

Сегодня я проснулась с мыслью: «Главное - не упасть в обморок». Вчера я так и не поужинала - сил хватило только на то, чтобы принять душ и рухнуть в кровать. Сейчас, стоя перед зеркалом, я видела бледное лицо с синяками под глазами, но красоваться было некогда. Я натянула нарядный свитер с оленем (Настя сказала, что это приносит удачу), нанесла тональный, подвела глаза и вышла из дома.

В школе уже кипела жизнь. Педагоги в костюмах суетились в коридорах, Ольга Викторовна восседала на почётном месте в холле с натянутой улыбкой, которая должна была изображать материнскую заботу, а на деле напоминала гримасу. Я мельком взглянула на неё и поспешила в зал.

Первая ёлка - для малышей - началась с громкого «Здравствуйте, ребята!» и тут же превратилась в стихийное бедствие. Дети хаотично бегали по залу, кто-то сразу включился в хоровод, кто-то сидел на коленях у родителей и с ужасом смотрел на Гринча, который, по задумке, должен был быть злым, но в исполнении Олега вышел скорее рассеянным. Малыши срывали с него колпак, кидали в него мягкими снежками (я специально сшила их из поролона), а один мальчик лет четырёх подошёл, потрогал зелёные уши и сказал громко на всю ёлку:

- А он ненастоящий! Это Олег!

Олег, не выходя из образа, зарычал, схватил мальчика на руки и закружил, и тот залился таким счастливым смехом, что все остальные тоже засмеялись и потянулись к Гринчу. К концу представления даже самые застенчивые дети плясали вокруг ёлки, а родители аплодировали так, что у меня защемило в груди.

Я стояла за кулисами, подсказывала слова Снегурочке, которая снова забыла текст, и чувствовала, как отступает усталость. Здесь всё было настоящим.

Между первой и второй ёлкой был небольшой перерыв. Родители подходили ко мне, жали руку, говорили:

- Алина, вы настоящий волшебник! Как всегда всё на высшем уровне и педагоги молодцы! А дети в каком восторге!

- Спасибо вам за подготовку, мы такого не ожидали!

- Когда следующий праздник? Мы обязательно придём!

Я улыбалась, кивала, а краем глаза видела, как Ольга Викторовна стоит в сторонке и делает вид, что именно она всё организовала. Она подходила к родителям, пожимала им руки, что-то говорила, и я заметила, как одна мама, с которой мы очень хорошо ладим, отвернувшись от начальницы, подмигнула мне и шепнула:

- Мы знаем, кто тут на самом деле всё делает. Держитесь.

Это маленькое «держитесь» стоило чашки кофе и забытого обеда.

Вторую ёлку - для детей до десяти лет - я почти не видела из-за кулис, потому что помогала с музыкой и светом. Но я слышала, как зал взрывался смехом, когда Гринч пел свою песню под гитару, и как дети подпевали припев. Я слышала, как в финале, когда Гринча прощали и дарили ему «мешок дружбы», некоторые мамы всхлипывали. И я стояла за кулисами и улыбалась до ушей.

Третья ёлка - для подростков до пятнадцати - была самой сложной. Я волновалась, что они не включатся, что им будет скучно, что они слишком взрослые для этих сказок. Но Олег, переодетый в Гринча с гитарой, сыграл что-то из современного, потом начал диалог с залом, и подростки ожили. Они смеялись, подкалывали актёров, но в финале, когда всё закончилось и зажглась ёлка, я увидела в их глазах тот самый детский восторг, который никуда не девается, даже если тебе пятнадцать.

Одна девочка в красивом платье подошла ко мне после ёлки и сказала:

- А вы написали сценарий? Это круто. Я бы тоже хотела когда-нибудь так. Хочу быть сценаристом!

- Ты обязательно сможешь, у тебя все получится, - ответила я, и она улыбнулась.

Когда дети убежали с подарками, педагоги разошлись, мы остались втроём: я, Настя и Олег. Ольга Викторовна, сделав несколько контрольных фотографий для отчёта, отбыла, бросив на прощание:

- До понедельника всё надо убрать. Отчёт жду к вечеру.

- Конечно, - сказала я с каменным лицом, а когда она вышла, Настя изобразила, как душит её руками, и мы расхохотались.

Разбирать зал после трёх ёлок оказалось делом не быстрым. Мы снимали мишуру, складывали костюмы, вытирали с пола конфетти, которое, казалось, размножалось прямо на глазах. Олег принёс чай в пластиковых стаканчиках, и мы пили его, сидя на сцене среди разобранных декораций.

- Ну что, - Настя посмотрела на часы, - идём? Я обещала тебе напиться.

- Идём, - кивнула я, чувствуя, что сил почти нет, но что-то внутри требует именно этого - не одиночества, а смеха, болтовни, нормального человеческого тепла.

Мы зашли в магазин у дома, купили пару бутылок красного, сыр, виноград и шоколад. Настя схватила ещё и мармеладных мишек «для настроения», и мы, смеясь, побрели ко мне.

Квартира встретила нас тишиной, но сегодня она не давила. Я зажгла гирлянду на ёлке, включила негромкую музыку, Настя открыла вино, и мы устроились на диване, закутавшись в плед.

- За нас! - провозгласила Настя, поднимая бокал. - За то, что мы это сделали!

- За нас! - чокнулась я.

Вино было мягким, сыр таял на языке, а Настя, как всегда, рассказывала смешные истории про своих малышей. Я смеялась, сама не замечая, как напряжение уходит из плеч, как

исчезает тяжесть в груди. Мы болтали обо всём: о странных родителях, которые пытались записать двухлетнего ребёнка на робототехнику, о начальнице, которая вчера назвала Снегурочку «девушкой в синем», о планах на каникулы.

- А твой-то что? - осторожно спросила Настя, когда мы открывали вторую бутылку.

- Ничего, - пожала я плечами. - Молчит.

- И ты?

- И я. Я ему написала: если хочет быть со мной - придёт на Новый год. Если нет...

- Если нет - значит, нет, - закончила Настя. - Правильно. Алин, ты знаешь, я тебя очень люблю, поэтому скажу как есть. Ты заслуживаешь человека, который будет рядом. Не по переписке, не по расписанию, а по-настоящему. Который приедет и поможет развесить эти чёртовы гирлянды, а не будет ждать, что ты после работы приготовишь ему ужин, хотя он сам был дома и уж мог пожарить хотя бы яичницу.

Я кивнула, чувствуя, как глаза защипало, но сдержалась.

- Я знаю. Просто... три года. И он был другим в начале. Я думала, всё вернётся.

- Может, и вернётся, - мягко сказала Настя. - Но не сегодня. И не завтра. А пока - дай себе время.

Мы замолчали, глядя на ёлку. Огоньки мигали в такт музыке, и я думала о том, что, возможно, это самый спокойный вечер за последние месяцы.

В первом часу ночи в дверь позвонили. Настя посмотрела на часы, потом на меня:

- Это мой. Я ему написала, что мы тут отмечаем успех и твою свободу, - усмехнулась она.

- Какую ещё свободу? - засмеялась я, открывая дверь.

На пороге стоял её муж Серёжа, с доброй улыбкой и вязаным шарфом.

- Алкаши, - констатировал он, видя наши захмелелые весёлые лица. - Празднуете?

- Отмечаем, - Настя чмокнула его в щёку. - Успех и, возможно, Алинину свободу.

Посмотрим.

- Свободу, - усмехнулся Серёжа, помогая Насте надеть куртку. - Алин, ты как?

- Я в порядке, - махнула я рукой. - Спасибо, что забрал мою подругу.

- Всегда пожалуйста, - он подмигнул. - Отдыхай.

Они ушли, и я осталась одна. Усталость навалилась мгновенно, смешанная с вином и теплом. Я даже не стала убирать со стола, выключила свет и, не раздеваясь, рухнула на кровать.

Последнее, что я помнила, - это огоньки ёлки, которые мерцали в темноте, как маленькие звёзды.

Глава 3

28 декабря

Воскресенье. Проснулась я от того, что кто-то настойчиво, с каким-то отчаянием жал на дверной звонок. Звук врывался в сон, разрывая его на куски, и я никак не могла понять, где нахожусь. Потом всё встало на места: моя спальня, тёмные шторы, вчерашний свитер.

Звонок повторился - длинный, требовательный.

- Иду! - прохрипела я, путаясь в тапках.

На пороге стоял курьер. Молодой парень в фирменной куртке, с коробкой в руках. Он посмотрел на меня и... не смог скрыть удивления. Я даже без зеркала поняла, как выгляжу: растрёпанные волосы, остатки вчерашней туши под глазами, помятый свитер с оленем и, скорее всего, отсутствующее выражение лица.

- Доброе утро! Вы Алина? - уточнил он, справившись с собой.

- Да. Доброе.

- Распишитесь, пожалуйста.

Я машинально взяла ручку, поставила закорючку, приняла коробку и закрыла дверь.

Посылка была среднего размера, аккуратно упакованная, с наклейкой срочной доставки. Поставила её на кухонный стол и побрела в ванную. Включила свет, посмотрела в зеркало и... поняла реакцию курьера. Под глазами синяки, волосы торчат в разные стороны, на щеке отпечаток подушки. Я выглядела как человек, который только что пережил апокалипсис и решил, что ванна - это лишнее.

- Боже, - пробормотала я и принялась приводить себя в порядок.

Умылась, почистила зубы, собрала волосы в пучок. Взяла телефон - на нём не было ни пропущенных, ни сообщений. Дима молчал. Я почувствовала, как в груди что-то сжалось, но тут же заставила себя переключиться на коробку.

Поставив чайник на плиту я вернулась к столу. Коробка была обёрнута в плотную бумагу с новогодними оленями. Осторожно срезав скотч, я заглянула внутрь.

Сверху лежали конфеты, те самые, ананасовые, которые я любила с детства. Под ними - открытка, ручной работы, с наклеенной ёлочкой из фетра. Я развернула её и узнала мамин почерк.

«Дорогая наша Алиночка! С Новым годом! Ты - самая талантливая, сильная и добрая дочка на свете. Мы знаем, как ты много работаешь, как выкладываешься, и очень хотим, чтобы ты отдохнула. Если тебя не отпустят с работы - мы с папой с радостью полетим вместо тебя, но всё же надеемся, что ты сможешь договориться. Обнимаем крепко-крепко. Твои мама и папа».

Я улыбнулась, отложила открытку и убрала конфеты. Под ними была мишура, и под мишурой - два билета.

Я вытащила их дрожащими руками и прочитала: «Москва - Буэнос-Айрес. 2 января. 17:40. Эконом-класс». Туда - обратно. На двух человек.

В голове зашумело. Аргентина. Я мечтала об этом путешествии лет пять, с тех пор как увидела чей-то пост о водопадах Игуасу и уличных танцорах в Ла-Боке. Мы с Димой даже говорили как-то, но тогда это казалось несбыточным - работа, финансы, да и не очень он разделял моё желание...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.